

Введение

Другая сторона Рима

События и факты, о которых повествуется в этой книге, не затрагивают католическую церковь как зримое воплощение вероучения и жертвенности, сообщество священников и верующих. Здесь собраны некоторые показательные истории, имеющие отношение к Святому престолу (Ватикану), иными словами, к суверенному государству, обладающему органами власти, территорией (пусть и сугубо символической), флагом, гимном, валютой, армией (не менее символического свойства), а также сетью рассеянных по миру дипломатических представительств и послов (апостольских нунций), аккредитованных согласно действующим правилам.

В данном случае выражение «показательные истории» несет двойную смысловую нагрузку. Более очевидная грань заключается в выстраивании событий таким образом, чтобы они отражали историко-политическую обстановку, их породившую. Менее явная сводится к тому, что рассказ, часто насыщенный жестокостью и даже откровенно кровавый, демонстрирует, насколько чудовищна цена, заплаченная католической церковью за стремление объединить свою духовную миссию с политической природой государства. Это можно было бы назвать попыткой примирить небо и землю, невинность святости и ухищрения власти, или же, цитируя Евангелие, Бога и Мамону.

Попытки подобного симбиоза много раз обличались в лоне самой Церкви — великими мыслителями и просвещенными умами. С тех самых пор, как христианство при императоре Феодосии (конец IV в. н. э.) стало общеимперской и государственной религией, не было эпохи, когда бы не раздавались голоса, предвещавшие, предостерегавшие, молившие Церковь отвергнуть золото и пурпур, вернувшись к своим истокам — святому смирению. Однако у политики мертвая хватка: единственный способ освободиться —

мужественный и окончательный разрыв, которого так и не случилось. Вот почему инакомыслящие остались в меньшинстве. «Обогащение диалога» — такая им была отведена роль. Причем вплоть до сегодняшнего дня это остается диалогом глухих.

Такая глубинная двойственность накладывает отпечаток на фигуру самого великого понтифика. Когда папа обращается с речью, почти всегда неясно, делает он это как верховный представитель одной из величайших религий, пастырь и наставник своей паствы или же как глава независимого государства, monarch, сосредотачивающий в своих руках контроль над всеми ветвями власти: законодательной, исполнительной, судебной. Впрочем, уже сам титул «Великий понтифик» фиксирует эту двойную сущность: правитель одной из немногих сохранившихся ныне абсолютных монархий, он царствует в течение всей жизни.

Тому, кто хотел бы более основательно изучить эту могущественную земную структуру, я рекомендую обратиться к заключительному приложению, где среди прочего уточнены необходимые различия между Ватиканом, Святым престолом и католической церковью.

Широким признанием пользуется утверждение, что влияние, периодически оказываемое церковью на светские дела, да и сама выживаемость этого института проистекают именно из его двойной идентичности. Разумеется, речь идет о настоящем феномене, сформировавшемся за двадцать столетий мировой истории — религиозной конфессии, сумевшей жестко структурироваться в форме государства. В классической античности были случаи, когда политическая власть принимала на себя и сакральные функции, но никогда не происходило обратного: чтобы религия приобретала конкретный политический образ. Столь же бесспорно и то, что, помимо безусловных материальных выгод, такая трансформация оказала тяжелое воздействие на собственно духовную деятельность церкви, поскольку, несмотря на любые попытки приладить их друг к другу, свести Бога и Мамону весьма трудно.

Как увидит читатель, все главы этой книги обращаются к разным сюжетам и персонажам в длинной временной перспективе — от начальных лет нашей эры до нашего времени. Первая глава вообще посвящена императору, царствовавшему в тот период, когда Ватикан еще не обрел привычный для нас облик. Строго говоря, это экскурсия за пределы выбранной темы; между тем, если охватить всю картину целиком, отклонения от данной темы представляются полезными, ибо помогают наметить координаты для лучшего

понимания последовательности событий, совокупности фактов, профиля и внутренних ориентиров действующих лиц.

Но говорить о Ватикане означает на деле рассказывать в основном о Риме; с IV века и практически до конца XIX столетия истории Ватикана и Вечного города совпадали. Ряд описываемых в книге событий и правда по многим аспектам сводится к тому, о чем заявляет введение, повествуя о «другой стороне Рима».

Книга не претендует на тематическую или хронологическую полноту. Скорее, можно сказать, что в ней собраны рассказы, продиктованные значимостью (исторической или актуальной) некоторых событий и фактам моего личного знакомства с местами, которые послужили им подмостками и вызвали мое искреннее изумление и восхищение, — другая сторона Рима, так и есть.